

Киселев С. Н.

Политико-географические и геополитические образы Крыма

В современной географии одним из наиболее динамично развивающихся направлений является исследование географических образов, в том числе в политике и в международных отношениях. Так как любая политическая деятельность осуществляется в конкретном географическом пространстве, изучение когнитивных (ментальных) карт политиков, всех, кто в той или иной степени принимает участие в принятии политических решений, может иметь не только теоретико-методологический интерес, но и непосредственный выход в практику. «Политические события связаны, прямо или косвенно, с образами географического пространства, в котором они происходят. Поэтому любые действия предусмотрительной и умной власти должны учитывать эти образы, власть должна постоянно работать с образами пространства, присваивая и используя его» [1, с. 4].

По нашему мнению, одной из причин перманентного управленческого кризиса на Украине и в Крыму является географический нигилизм властной элиты, не желание и не умение использовать во внутренней и внешней политике широкий спектр устойчивых и складывающихся геополитических и политико-географических образов формирующихся в пределах украинской государственной территории. Унитарная модель украинского государства, игнорирование региональных различий страны политической элитой приводит к возникновению многих внутривластных проблем, одной из которых традиционно является и так называемая «крымская проблема».

Крымчане достаточно остро реагируют на постоянное игнорирование своих интересов центром, на ограничение прав крымской автономии, попытки снисвелировать культурно-исторические отличия населения полуострова от остальной части территории Украины. Тема крымского регионализма, крымского регионального сообщества, самоидентификации и самосознания крымчан достаточно хорошо освещена в литературе [2, 3, 4].

Одним из факторов, определяющих специфику крымского самосознания, является образная насыщенность крымского универсума. Существенное место в системе образов Крыма занимают политико-географические и геополитические образы. Они генерируются его уникальной природой и богатой историей, собственно территорией полуострова, связаны с пространством всего Причерноморья, государств бассейна Черного моря, такими крупными регионами как Восточная Европа, Кавказ, Малая Азия и шире – Европа и Азия. Также они могут формироваться в системе взаимоотношений между Россией и Украиной или Украиной и Турцией. Кроме того, эти образы могут носить и не строго географический характер, например, **«геополитического разлома»** между христианской и мусульманской цивилизациями.

Ключевым геополитическим образом Крыма для крупных регионов является – **периферийность**, для мелких – **центральность**. Имеет также значение и геостратегическое положение Крыма для геополитических действий как в широтном направлении (контроль над Крымом позволяет проводить активную политику на Балканах и на Кавказе, а, при необходимости, замкнуть пресловутую «дугу нестабильности» от Адриатики до Синьзяня), так и в меридиональном (способствовать доминирующему государству в Северном Причерноморье осуществлять свою экспансию в южном направлении вплоть до Ближнего Востока или блокировать ее, создавая угрозу центру Восточной Европы).

Крым может иметь образ территории связывающей и объединяющей государства и культуры (**«крымский мост»**, **«летняя политическая столица Украины»**) или разъединяющей их (**«ахиллесова пята России»**, **«крымская карта»**, **«крымский узел»**).

Реализованный в политике образ **«крымской автономии»** позволил снять многие противоречия и является адекватным ответом на большинство вызовов конца XX и начала XXI века.

Образы Крыма историчны. В них отражается судьба полуострова и народов Причерноморья с момента появления в этом регионе государственных образований. Первые греческие колонисты сформировали образ Понта Аксинского (негостеприимного моря), который, по мере расширения процесса колонизации, меняется на образ Понта Эвксинского (гостеприимного моря). Образ обитателей полуострова кровожадных и свирепых тавров был довольно популярен в античной литературе и закрепился в ней настолько прочно, что встречается у византийских авторов вплоть до XII века н.э. Несмотря на достаточное знакомство греков с Северным Причерноморьем ими были освоены преимущественно небольшие прибрежные пространства, поэтому для мира греческой цивилизации Таврида оставалась далекой периферией на границе с неизведанным миром полумифических варварских народов.

В I веке до н.э. царь Понта - малоазийского эллинистического государства - Митридат VI Евпатор предпринял первую попытку создания циркумпонтийской державы, в которой Черное море приобретало характер «внутреннего озера», а Таврический полуостров занимал центральное положение. В тяжелой борьбе с Римом Митридат потерпел поражение, после чего бывшие греческие города-государства переходят под римское владение.

После нашествия готов и гуннов в III-IV веках н.э. наследница Рима – Византия устанавливает контроль над частью территорий в Крыму. В VIII веке земли крымских готов от Херсона до Боспора стали одним из убежищ иконопочитателей. Это позволило Константинопольскому патриарху Фотию определить их как «благочестивые» (eusebes) [5, с.189]. Крещение киевского князя Владимира в Корсуне (Херсоне) закрепило за Крымом мощный образ «родины Русского Православия».

К концу I тысячелетия н.э. у обитателей Киевской Руси формируется образ Крыма как «корсуньской земли» - богатого и культурного региона. Тесные торговые и военные контакты жителей Древней Руси и Византии формируют образ Черного моря как «моря Русского» (скорее всего название происходит от варягов-руси, контролировавших путь «из варяг в греки»).

Венецианцы и генуэзцы, осуществлявшие свою торговую экспансию в Причерноморье, пошли по традиционному пути создания опорных пунктов на побережье. В это время у жителей Московского княжества формируется образ «гостей-сурожан» - торговых людей из Крыма.

После образования в середине XV века Крымского ханства, захвата генуэзских колоний и княжества Феодоро турками в 1475 году Черное море на 300 лет превращается в «турецкое озеро», а у русских и украинцев формируется устрашающий образ «татарской неволи». Крымские татары формируют свой образ полуострова – «адо Крым» или «остров Крым». На русских лубочных картах XVII века можно увидеть в центре изображение Черного моря «отекающего остров Крым» [6, с. 162, 163].

С усилением российского государства и возникновением российской империи Причерноморье и Крым вовлекаются в геополитические процессы. Азовские и Прутский поход Петра I, походы Миниха и Ласси не приносят желаемого результата – России не удается укрепиться в Причерноморье. Только после русско-турецкой войны 1768-1773 годов у нее появляется такая возможность. Короткое время независимости Крымского ханства от Турции заканчивается присоединением Крыма к России в 1783 году и триумфальным путешествием Екатерины II в Крым. Тогда и возникает образ «лучшей жемчужины в короне империи».

Присоединение Крыма позволило России развернуть экспансию на Кавказ и Балканы, вступить в борьбу за «турецкое наследство», что в дальнейшем приведет ее к столкновению с интересами ведущих европейских держав и, прежде всего, Англии. Между Россией и Англией во всем регионе Причерноморья развернется геополитическое соперничество – своеобразная «Малая Игра» как важная составная часть «Большой Игры» - противоборства двух крупнейших империй за глобальное политическое доминирование.

С первых же лет включения Крыма в состав России начинается его интенсивное культурное освоение. Если Петр I, прорубив "окно в Европу", вывел Россию "к передовой границе социально-исторического и технического развития континента", то Екатерина II, "распахнув дверь" в Черное море, открыла России "вход в древнейшее лоно Европы, в ее

внутренние, утробные воды, на берегах которых зачиналась античная цивилизация" [7, с. 165]. Таврида стала духовной "пуповиной", соединившей Россию с европейской прародиной, сделала ее обладательницей собственных памятников классической древности, которых так не хватало "Третьему Риму" для самоутверждения как империи. Усилиями путешественников, исследователей, писателей и художников формируется тот образ Крыма, который Пушкин запечатлел в своих бессмертных строках: «волшебный край, очей отрада».

Новый образ Крыма возникает в годы Восточной войны 1853-1856 годов известной так же как Крымская война. Эта война была крупнейшим международным конфликтом с 1815 по 1914 год и велась по чисто геополитическим основаниям. После войны в Европе сложилась так называемая «Крымская система» - дипломатический союз государств, направленный против России, которой потребовалось более двадцати лет для преодоления ее негативных последствий.

В начале XX века зарождается образ Крыма как курорта – «Русской Ривьеры», существовавший совсем не долго. В годы гражданской войны сформировались образы «белого» и «красного» Крыма, а террор и голод породили образ Крыма как «всероссийского кладбища». После окончания гражданской войны и с началом мирного строительства Крым провозглашается «всесоюзной здравницей», в это же время складываются образы «индустриального Крыма», «всероссийской житницы» и т.п. Годы Отечественной войны родили образы героической обороны Севастополя, «крымской катастрофы 1942 года», депортаций по национальному признаку. Конференция глав держав антигитлеровской коалиции в феврале 1945 года прочно привязала Крым к образу «Ялтинской системы мироустройства».

В 1950-1980-е годы Крымский полуостров имел образ развивающегося региона, привлекательного курорта и «рая для пенсионеров». Угроза распада страны привела в движение население полуострова, возникла идея автономии, которая и была реализована через референдум. Бурные события начала 1990-х годов породили массу образов Крыма от «русской автономии» и «мятежной республики» до «украинской Сицилии».

В 1991- 1994 годах на непродолжительное время Крым приобретает черты геополитической субъектности. Руководство автономии в чрезвычайно сложный период распада СССР сумело удержать ситуацию на полуострове у опасной черты и заложило основу той стабильности, которая до сих пор не позволяет перерасти системе противоречий существующих вокруг и внутри Крыма в открытый конфликт. Потенциал этого конфликта по-прежнему довольно высок (достаточно вспомнить «проблему Тузлы» или «маяковую войну»), поэтому еще длительное время Крым будет представлять интерес для геополитики, так как это единственный регион Украины, конфликт в котором может перерасти региональные рамки и иметь глобальные политические последствия.

На перспективу следует направить усилия на формирование образов Крыма далеких от геополитики.

Литература

1. *Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004.*
2. *Киселев С.Н. Пять постулатов крымского регионализма// Остров Крым. – 1999. - № 3.*
3. *Киселева Н. В. За Перекопом для нас земли нет!// Остров Крым. – 1999. - № 3.*
4. *Мальгин А.В. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества// Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь, 2002.*
5. *Оболенский Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998.*
6. *Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы. – М., 1992.*
7. *Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990.*

Поступила в редакцию